

ПОЛЬСКАЯ МЕЖВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1921—1932 гг.

В статье выявлены основные проблемы советско-польских отношений 1921—1932 гг., ставшие предметом исследования польской межвоенной историографии, определена степень научной достоверности разработанных польскими историками концепций и сделанных выводов, установлены факторы, которые повлияли на этот показатель.

The article discusses the main problems of Polish-Soviet relationship during 1921—1932 that were studied in Polish Inter-War historiography. It also discusses the credibility of concepts and conclusions made by Polish historians regarding those problems, and different factors that influenced their results.

Ключевые слова: Рижский договор; польско-советские отношения; договор о ненападении; историография; переговоры; межвоенный период.

Keywords: Riga pact; Polish-Soviet relationship; Non-Aggression Pact; historiography; diplomatic negotiations.

После заключения Рижского договора отношения с Советской Россией оставались важнейшим направлением внешней политики Польши. Польские историки уже в межвоенное время проявили большой интерес к этой проблеме. Мы попытаемся выяснить, какие вопросы истории польско-советских отношений 1921—1932 гг. стали предметом исследования польских историков в межвоенный период.

Польская межвоенная историография исходила из того, что Рижский договор не устранил важнейших проблем в польско-советских отношениях. Поэтому Россия и Польша после Рижского договора не могли избежать острых противоречий. В качестве важнейшей проблемы в польско-советских отношениях польскими межвоенными авторами выделялось стремление России провести ревизию установленных Рижским договором границ. Они отмечали, что большевистская Россия при первой благоприятной возможности будет стремиться продвинуть свое влияние на запад, что делает неизбежным ликвидацию польского госу-

Мязга Мікалай Мікалаевіч — дэкан гістарычнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

дарства [1, s. 40]. Ё. Бартошевич в своих работах высказывал точку зрения, что как только Германия и Россия залечат раны Первой мировой войны, они приступят к борьбе против невыгодных для этих государств постановлений мирных договоров [2, s. 331]. В качестве примера российской политики, направленной на пересмотр границ, Ю. Лукасевич приводил протест со стороны советского правительства в 1923 г. против согласия стран Запада на включение в состав Польши Восточной Галиции и Виленщины [3, s. 29—31]. В. Студницкий в своих работах писал, что «Россия претендует на 124,4 тысячи километров восточных воеводств». Это делало невозможным замирение Польши с ее восточным соседом, и большевистская Россия является для Польши антагонистической опасностью [4, s. 10, 11].

Таким образом, польская историография считала доказанным существование у России территориальных претензий к Польше, что порождало острый антагонизм в отношениях между двумя странами. Эта точка зрения имеет под собой основания и присутствует в современной постсоветской историографии [5, с. 157, 158, 160, 161]. Ее подтверждение мы находим и в документах. Например, 18 декабря 1924 г. в решении политбюро ЦК ВКП(б) по поводу переговоров с Польшей говорилось, что при их ведении не следует отказываться от принципа исправления границ [6, с. 10].

На новом этапе борьбы Советская Россия, по мнению польских авторов, изменила тактику, сделав основную ставку на деятельность Коммунистического Интернационала, направленную на расшатывание государственных устоев буржуазных стран [7, s. 57]. По мнению Т. Теслара, чтобы жить, советское правительство должно «нейтрализовать, парализовать противодействие капиталистических государств». Для этого оно использует Коммунистический Интернационал [8, s. 11].

Польские историки в качестве еще одного фактора, порождавшего напряженность в польско-советских отношениях после заключения Рижского договора, называли невыполнение Россией ряда материальных обязательств по нему. Они указывали, что уже в первые месяцы выявилось невыполнение статей договора, касавшихся выплат Польше со стороны России, только в октябре 1921 г. состоялось первое заседание Специальной комиссии, которая должна была заниматься передачей ценностей от России Польше [9, s. 116]. Действительно, советская сторона всячески задерживала начало работы Реевакуационной комиссии, которая должна была решать вопросы передачи материальных цен-

ностей, и до середины сентября не назначила свою часть комиссии [10, с. 51, 52].

Я. Гжимала-Грабовецкий отмечал огромные трудности, создаваемые российской стороной при выполнении Рижского договора. В то же время, по его мнению, польское правительство в 1924 г. предпринимало шаги, направленные на улучшение польско-советских отношений. В результате 25 августа 1924 г. СССР и Польша подписали соглашение, которое ликвидировало последние претензии Польши к России по поводу возвращения железнодорожного транспорта. Но еще сохранились противоречия между Москвой и Варшавой по оставшимся материальным обязательствам согласно Рижскому договору [11, с. 11, 14—16]. Безусловно, утверждения польских историков о саботаже советской стороной выполнения материальных обязательств по Рижскому договору имели под собой основания. Член коллегии НКВД Я. Ганецкий в письме полпреду в Варшаве от 1 июня 1923 г. писал: «Без преувеличения можно сказать, что мы за прошедшие два года выполнили не более одной сотой обязательств. В этом вопросе мы проявили саботаж максимальный» [12, л. 103]. Необходимо учитывать, что власти Польши со своей стороны нарушали положения Рижского договора, запрещавшие деятельность на ее территории антисоветских организаций, что не нашло отражения в польской межвоенной историографии.

К числу элементов советской политики, негативно влиявших на отношения между СССР и Польшей, польские историки относили и поддержку, которую советское правительство оказывало Литве в ее конфликте с Польшей. С. Грабский еще в 1923 г. отмечал отрицательное влияние литовского вопроса на польско-советские отношения. По его мнению, это связано с попытками России вмешаться в его решение [13, с. 100]. К шагам советской дипломатии, свидетельствовавшим о поддержке Литвы со стороны СССР в польско-литовском конфликте, Я. Гжимала-Грабовецкий относил подписание пакта о ненападении между Литвой и СССР 28 сентября 1926 г. По его мнению, положения этого пакта противоречили Рижскому договору [14, с. 135, 147, 148]. Современная польская историография считает, что в Польше не могло не вызвать отрицательной реакции подписание советско-литовского договора о ненападении, в котором подтверждались положения договора между Россией и Литвой 1920 г. [15, с. 51], что означало фактическое признание прав Литвы на ряд территорий, входивших в тот момент в состав Польши.

Важнейшим вопросом польско-советских отношений рассматриваемого периода стало влияние на них рапальской политики. С подписанием договора в Рапалло проблема для Польши, по мнению С. Грабского, заключалась в том, что Москва и Берлин разными дорогами, но скоординировав общие планы, стремятся взорвать и уничтожить мир, который «был установлен на развалинах германского мирового господства» [13, s. 163]. Польскими исследователями подчеркивалось, что этот договор был направлен против Польши, и «Россия, несмотря на проигранную войну, все это время грезилась новым нашествием» [16, s. 193, 194]. С. Мацкевич, обращаясь к проблеме «Рапалло и Польша», отмечал, что «когда российско-германские отношения улучшаются, самостоятельность польской политики падает», в условиях российско-германского единства «независимость Польши умирает». То, что Польша продержалась как независимое государство в период рапальской политики, он объяснял слабостью Германии и России после того, как они обе потерпели поражение в Первой мировой войне [17, s. 57, 202, 203]. Следовательно, польская историография заявляла об угрозе, которую для Польши таило советско-германское сотрудничество. На наш взгляд, главная угроза для Польши в связи с подписанием Рапальского договора заключалась не в том, что Россия и Германия в тот момент могли попытаться атаковать ее. Для этого у них еще не было достаточных сил. Но Рапалло ослабляло Версальскую систему, в сохранении которой была заинтересована Польша, создавало для нее ситуацию определенной изоляции в регионе Центрально-Восточной Европы [18, с. 36, 37].

Противостояние германо-российскому блоку определялось польской историографией как одна из наиболее важных задач внешней политики Польши. З. Березовский считал, что данную задачу Польша может решить через создание блока государств, расположенных между Балтийским и Черным морем. Она должна была стать лидером Центральной Европы и возглавить блок «межморья» [19, s. 21]. Ё. Бартошевич считал существенным элементом, который усилит безопасность Польши, создание под ее верховенством блока государств, противостоящего СССР и Германии [2, s. 340]. С. Мацкевич отмечал нацеленность политики Ю. Пилсудского на создание блока находящихся вокруг Польши государств, которые вместе с Польшей представляли бы достаточную силу, чтобы дать отпор России и Германии. Исследователь признавал, что эта политика не всегда удавалась [17, s. 207].

Польская историография, доказывая наличие после Рижского договора реваншистских планов у Советской России, активно проводила идею о миролюбивом оборонительном характере политики Польши. С. Грабский в качестве аргумента в пользу оборонительного характера польской политики указывал на то, что Польша в начале 1920-х годов установила свои границы и переключилась на хозяйственную работу. Она желала в то время установить и укрепить элементы прочного мира в отношениях с Россией [20, s. 21, 111]. А. Брегман утверждал, что после Рижского мирного договора для Польши важнейшей задачей являлось сохранить статус-кво на востоке [21, s. 149]. Нам представляется, что политика Польши после Рижского договора действительно была направлена на сохранение сложившегося положения вещей. В подтверждение этого тезиса можно сослаться на инструкцию министра иностранных дел К. Скирмунта от 3 августа 1921 г. Он отмечал, что в отношении России Польша будет лояльно выполнять Рижский договор, не вмешиваться во внутренние дела России и откажется от антибольшевистских акций, если таковые еще имеются [22, s. 179].

В то же время в польской историографии и публицистике сложилось направление, которое ставило под сомнение тезис об агрессивности советской политики по отношению к Польше. К нему относились авторы, разделявшие политические взгляды эндеции. С. Грабский в начале 1920-х гг. в своих работах пытался доказать, что опасность для Польши со стороны России в тот момент, и даже на перспективу, незначительна. Он исходил из того, что революция в России еще не закончилась, большевистское правительство скоро падет. В этот период, по его мнению, «власть в России будет так слаба и незащищена, как была в 1918 г.». Период слабости России он прогнозировал продолжительностью в 50 лет. Поэтому улучшение польско-советских отношений, по мнению С. Грабского, в большей степени зависит от политики Польши, которая должна отказаться от экспансии на восток. По его словам: «Если Польша перестанет угрожать продвижением к Днепру и Припяти, Россия перестанет интересоваться Вильно и Ровно. На том могут основываться мирные отношения между Россией и Польшей» [23, s. 143, 144, 149].

О возможности нормальных отношений между Польшей и Россией писал также Р. Дмовский. Для этого, по его мнению, нужно, чтобы «люди с обеих сторон отказались от мышления категориями тех времен, которые уже бесповоротно миновали» [24, s. 261]. З. Березовский указывал,

что «нарушение нашей границы на востоке и развязывание войны с Польшей не есть для России цель...». Он высказывал уверенность в том, что Польша и Россия при умелой и разумной политике с обеих сторон способны создать основу для прочного соглашения между двумя государствами [19, s. 17].

Часть польских исследователей межвоенного периода признавала отрицательное влияние на характер польско-советских отношений и отдельных элементов политики правящих кругов Польши. В качестве одного из них называлось распространение в польских политических кругах после подписания Рижского договора идеи прометеизма [25, s. 28]. Ее реализация означала вытеснение влияния России из Восточной Европы, что должно было вызвать неизбежную негативную реакцию Москвы. На наличие в польской политике попыток реализовать идею прометеизма обратил внимание в своих работах В. Банчковский, который и сам являлся участником этого движения. Он считал, что для Польши лучшим способом обороны от России является деление ее на национальные государства [26, s. 12].

Польская историография значительное внимание уделила вопросу заключения между СССР и Польшей договора о ненападении. Согласно точке зрения Я. Гжимала-Грабовецкого, впервые идея пакта о ненападении была высказана польской делегацией на Московской конференции по разоружению в 1922 г., но советское правительство отвергло эту мысль. Затем этот вопрос обсуждался во время визитов в Варшаву В. Коппа в 1923 г. и Г. Чичерина в 1925 г. Причину того, что не удалось договориться о подписании договора о ненападении в середине 1920-х гг., он видит в том, что подходы к его выработке у Советского Союза и Польши были совершенно различны. СССР предлагал в качестве образца аналогичный договор с Германией, который предполагал некоторое отступление от Устава Лиги Наций. Польша же для достижения соглашения с СССР не могла идти на нарушение Устава этой международной организации. Кроме того, Польша высказывала обеспокоенность, что заключение СССР серии договоров о ненападении может развязать руки агрессору. Я. Гжимала-Грабовецкий указывал на то, что во время приезда В. Коппа в Варшаву осенью 1923 г. он внес предложение о заключении договоров о ненападении с Эстонией, Латвией и Польшей. Но эти страны выступали за заключение коллективного договора о ненападении с СССР. Новый советский проект договора о ненападении от 24 августа 1926 г. оставался на тех же

позициях и не учитывал членство Польши в Лиге Наций [14, с. 145—147].

Польские исследователи не обратили должного внимания на то, что СССР в 1925—1926 гг. подчинил ход переговоров с Польшей развитию переговорного процесса с Германией относительно нового политического договора. Это связано с тем, что польские исследователи не имели доступа к необходимым источникам. В инструкции НКВД полпреду в Варшаве П. Войкову от 2 января 1925 г. отмечалось, что переговоры с Польшей следует начать немедленно, но затягивать таким образом, чтобы «мы могли раньше договориться с Германией. ...Наше соглашение с Польшей, то есть обеспечение нашего нейтралитета в случае столкновения Польши с Германией, фактически изолирует Германию и полностью убивает ее надежды на всякое сотрудничество с нами» [27, л. 3, 4].

К числу причин, которые сделали политику СССР по отношению к Польше более дружественной и открыли дорогу к подписанию договора о ненападении в 1932 г., польские историки относили угрозу прихода к власти в Германии национал-социалистов и крайнюю напряженность в отношениях СССР с Японией в начале 1930-х годов. Это заставило «советы» предпринять шаги, чтобы обеспечить мир на своей западной границе, «где одним из наиболее грозных их противников могла быть Польша» [9, с. 166]. Действительно, в советских дипломатических документах уже как минимум с лета 1932 г. отмечался рост влияния Гитлера в Германии и возможность его прихода к власти, а также антисоветский курс НСДАП [28, с. 387, 388].

Угрозу со стороны Германии как фактор, подтолкнувший Польшу к подписанию договора о ненападении с СССР в 1932 г., отмечал А. Прухник [29, с. 383]. Изменения в политике Ю. Пилсудского по отношению к России в сторону сближения в 1932—1933 гг., по мнению С. Мацкевича, были вызваны и тем, что в это время Франция делала уступки Германии на международной арене. С помощью сближения с СССР Пилсудский демонстрировал самостоятельность польской политики. В то же время С. Мацкевич считал, что сближение с Россией имело временный и тактический характер. Далее он объяснял изменения в позиции России в это время. Она, обеспокоенная политикой Германии в отношении Европы, предвидя близкий приход Гитлера к власти, идет на сближение с Польшей. Демонстрацией этого стал приезд К. Радека в Польшу в 1932 г. и поездка Мединского по поручению Пилсудского в Москву

[17, s. 241, 242]. В то же время польская историография обошла вниманием факт взаимосвязи заключения польско-советского пакта о ненападении с заключением аналогичного франко-советского договора. Документы свидетельствуют, что вопрос подобной увязки французская дипломатия поставила еще в сентябре 1931 г. [30, с. 536].

Польская межвоенная историография в качестве одного из важнейших вопросов отношений между Польшей и Россией (СССР) после заключения Рижского договора признавала проблему Западной Беларуси и Западной Украины. Интерес польских исследователей к этому вопросу объясняется тем значением, которое восточные «кресы» имели для польского государства. Польскими исследователями признавалось, что население Западной Беларуси имело основания быть недовольным политикой, проводимой польскими властями, в частности, отмечался высокий уровень безработицы. Это обусловило поддержку местным населением деятельности коммунистических диверсионных отрядов, организуемых Советской Россией [31, с. 204]. Польские исследователи отмечали неустойчивость положения Польши на территории Западной Беларуси и Западной Украины. С. Сроковский считал, что Рижский договор как правовой документ являлся далеко не достаточным, чтобы обеспечить прочное присоединение восточных «кресов» к Польше, так как постбольшевистская Россия его не признает. Данный автор прогнозировал возможность нового военного конфликта Польши и России на территории Западной Беларуси и Западной Украины в том случае, если Москва станет проводить политику «собирания русских земель» [32, s. 4]. Следовательно, польская историография акцентировала внимание на претензиях России на территории Западной Беларуси и Западной Украины и обосновывала необходимость для Польши сохранить их за собой.

В польской межвоенной историографии сложилась точка зрения, что нестабильность на восточных «кресах» связана с подрывной деятельностью Советской России. Я. Гжимала-Грабовецкий отмечал стремление СССР выступать в качестве защитника прав населения Западной Беларуси и Западной Украины. Он указывал на советские ноты Польше по вопросу выполнения ст. 7 Рижского договора в мае 1924 г. [11, s. 15, 17]. С. Ельский признавал, что восточные «кресы» оказались в состоянии анархии. Но это объясняется исключительно вмешательством извне, а не развитием белорусского национального движения на этих территориях, которое, как считал автор, очень слабо и не находит поддержки в массах [7, s. 42, 58, 59]. Ю. Гертых указывал, что только при внешней

поддержке сепаратизм на восточных «кресах» может успешно развиваться, а значит особое значение для Польши приобретают отношения с Россией [33, s. 109, 110]. Польские историки высказывали точку зрения, что советская сторона активно поддерживает «диверсионные банды», которые действовали на территории Польши. В качестве крупнейшей акции, предпринятой ими, назывался захват Столбцов 4 августа 1924 г. [9, s. 141]. А. Прухник отмечал, что из России в Польшу проникали вооруженные отряды, находившие поддержку у местного населения [29, s. 170]. Основания у польских властей связывать деятельность различных антипольских организаций на восточных «кресах» с влиянием Советской России и коммунистических организаций, безусловно, были. Так, правительство БССР регулярно обсуждало вопросы оказания помощи белорусскому национальному движению на территории Западной Беларуси [34, с. 43]. 25 февраля 1925 г. политбюро на своем заседании приняло решение о прекращении «активной разведки», под которой понималась проводившаяся до этого диверсионная деятельность на территории соседних государств [6, с. 12—15].

Таким образом, польская историография отстаивала точку зрения, согласно которой после Рижского мира Россия стремилась провести ревизию установленных в Риге границ. Польские исследователи к аспектам советской политики, которые также препятствовали нормализации советско-польских отношений, отнесли невыполнение советской стороной материальных обязательств по Рижскому договору, поддержку советским руководством вооруженных отрядов в восточных польских воеводствах, коммунистическую пропаганду на территории Польши и то, что в конфликте Польши с Литвой Россия была на стороне последней. В качестве одного из важнейших вопросов в польско-советских отношениях признавалось заключение договора о ненападении, отмечался непростой путь к его подписанию. Большую угрозу для Польши, по мнению польских авторов межвоенного времени, представляло российско-германское сотрудничество в рамках Рапалло. В польской историографии даже в условиях режима «санации» сохранялся определенный плюрализм. Это позволяло ряду авторов высказывать точку зрения, в которой ставилась под сомнение агрессивная сущность политики России по отношению к Польше. Также отмечалось, что и в польской внешней политике присутствовали элементы, содействовавшие сохранению напряженности в отношениях между Польшей и Россией.

Следует признать, что польская межвоенная историография смогла достаточно точно определить основные проблемы в советско-польских отношениях 1921—1932 гг. Разработанные ею концепции и сформулированные выводы не всегда опирались на необходимую базу источников. Оценки советской политики по отношению к Польше строились в основном на базе общедоступной информации, почерпнутой из прессы, воспоминаний. Поэтому сложно было выявить причины, мотивы, механизмы принятия решений, осуществить детальную реконструкцию развития польско-советских отношений. Например, подробно проанализировать ход переговоров о договоре о ненападении. Необходимо учитывать, что уровень объективности научных исследований снижался в связи с политической злободневностью исследуемой проблемы. Явно прослеживается стремление польских историков в наиболее выгодном свете представить политику своего государства и негативно изобразить советскую внешнюю политику. Вследствие этого история превращалась в инструмент идейно-политической борьбы между Польшей и СССР. Она приобретала черты исторической идеологии, главная задача которой заключалась в том, чтобы не добывать новые исторические знания, а давать интерпретацию известным фактам для обоснования установленной государством «истины».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Kowalec K.* Narodowa demokracja wobec traktatu ryskiego // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Studia pod red. M. Wojciehowskiego. Torun : Wyd. UMK, 1998. S. 31—46.
2. *BiaBokur M.* My[1] spoleczno-polityczna Jochima Bartoshewicza. ToruD : Adam MarszaBek, 2005.
3. *Aukasiewicz J.* Polska jest mocarstwem. Warszawa : NakBad Gebethnera i Wolffa, 1938.
4. *Studnicki W.* System polityczny Europy a Polska. Warszawa : SkBad glowny «Gebethner i Wolff», 1935.
5. *Черноперов В. Л.* Из истории политики большевиков на востоке Центральной Европы в 1919—1924 гг. // Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами. К 90-летию подписания Рижского мирного договора : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Брест, 17—18 марта 2011 г. / редкол. : М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. Брест : БрГУ, 2011. С. 156—162.
6. Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923—1944 гг. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 74.
7. *EBski S.* Sprawa bialoruska. Zarys historyczno-polityczny. Warszawa : b. w., 1931. 105 s.
8. *Teslar T.* Przygotowania Kominternu do wybuchu rewolucji w Polsce. Warszawa : NakBadem ks'garni F. Hoesieka, 1931.
9. *Polska wyzwobona.* 1918—1933. Warszawa : Wyd. Karola Merperta, 1933.

10. Советская Россия и Польша. М. : Изд-во Народного Комиссариата по Иностран-ным Дела, 1921. С. 51—52.

11. *Grzymała-Grabowiecki J.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1924. Warszawa : NakBadem ksi'garni F. Hoesieka, 1925.

12. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52 564. Т. 1.

13. *Grabski S.* Z godziennych walk i rozwa|aD. PoznaD : Welkopolska ksi'garnia nakBadowa Karola Rzepeckiego, 1923.

14. *Grzymala-Grabowiecki J.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1926. Warszawa : NakBadem ksi'garni F. Hoesieka, 1928.

15. *Batowski H.* Mi'dzy dwiema wojnami 1919—1939. Kraków : Wyd. Literackie, 1988.

16. *LipiDski W.* Wielki MarszaBek (1867—1835). Warszawa : Naklad Gebethnera i Wolffa, 1936.

17. *Mackiewicz S.* Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrze[nja 1939 r. London : M. I. Kolin, 1958.

18. *Mezga H. H.* В тискаx Рапалло: германский фактор в польско-советских отноше-ниях 1921—1926 годов. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010.

19. *Berezowski Z.* Polityka zagraniczna. Warszawa : NakBadem obozu Wielkiej Polski, 1927.

20. *Grabski S.* Z zagadnieD polityki narodowo-paDstwowej. Warszawa : PerzyDski, Niklewicz i s-ka, 1925.

21. *Bregman A.* Liga Narodów. 1920—1930. Warszawa : Druk. Krajowa, 1931.

22. Dokumenty z dziej polskiej polityki zagranicznej 1918—1939 : w 2 t. Т. 1 : 1918—1932. Warszawa : Inst. Wyd. Pax., 1989. S. 178—180.

23. *Grabski S.* Uwagi o bie|cej historycznej chwili Polski. Warszawa : NakBadem ksi'garni PerzyDski, Niklewicz i s-ka, 1922.

24. *Dmowski R.* Polityka Polska i odbudowanie Panstwa. Wydanie drugie. Warszawa : NakBadem ksi'garni PerzyDski, Niklewicz i s-ka, 1926.

25. *Duchnowski J.* Miasto walczczego idealu. Lida : Ziemi liedzkiej, 1938.

26. *Bczkowski W.* Prometeizm polski. Warszawa : Biblioteka Polska, 1938.

27. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 217. Д. 52670.

28. Документы внешней политики (ДВП) СССР : в 22 т. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 15. С. 387—389.

29. *Swoboda H.* Pierwsze pi'tnastolecie Polski niepodleglej (1918—1933). Warszawa : Wyd. «Rabotnik», 1933.

30. ДВП СССР : в 22 т. М. : Изд-во полит. лит., 1968. Т. 14. С. 535—537.

31. Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск : І. П. Логвінаў, 2009.

32. *Srokowski S.* Uwagi o kresach wschodnich. Kraków : Dr. «Czasu», 1925.

33. *Giertych J.* O program polityki kresowej. Warszawa : Wyd. «Patria», 1932.

34. *Вабiццэвіч А. М.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.). Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008.

Арт'кул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2014 г.